М. В. Первушин

ОБРАЗ ЕРЕТИКА В РУССКОЙ ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XI—XVII вв.

Образ еретика в полемических памятниках русской литературы XI—XVII веков удивительно многообразен. Вместе с тем большинство граней этого образа вполне традиционны и предсказуемы. Большинство, но не все! Нам хотелось бы поделиться своими наблюдения за одной из черт этого образа, назовем ее гастрономической («телесная толст*о*та»). Сразу оговоримся, что всю полемическую литературу Древней Руси нельзя выделить в какой-либо отдельный жанр[1]. Полемика встречается во многих произведениях средневековой Руси, и, кроме специальных полемических посланий, она может присутствовать, например, в гомилетическом наследии, в эпистолярном творчестве, и даже в житиях. Не замахиваясь на многое, рассмотрим лишь некоторые, наверняка полемические, памятники древнерусской литературы, с целью отыскать нужный нам образ[2].

Интерес к означенной теме проявился при чтении произведений протопопа Аввакума, в котором непременной чертой никонианских портретов является их тучность. И сразу возник вопрос: действительно ли во времена Аввакума все приверженцы новых обрядов были как на подбор «толстобрюхие», или это лишь топос (общее место)? Если верно последнее, то тогда на каком основании оно формируется? Одно объяснение никонианской толст*о*ты дает в диссертации Д. С. Менделеева: это «последствие светской жизни никониан, заполненной многочисленными пирами»[3]. Да, но не все же никониане посещали пиры! Мотив никонианской «телесной толст*о*ты» чуть ранее Д. С. Менделеевой был исследован также и А. Н. Робинсоном[4], и Д. С. Лихачевым[5]. Оба именитых ученых, судя по их высказываниям, вполне доверяли описаниям Аввакума[6] и особо не задавались заинтересовавшей нас дилеммой.

Конечно, присутствие среди последователей новых реформ Никона, так скажем, людей «в теле» — бесспорно. Однако не все же его сторонники имели, выражаясь аввакумовски, «брюхо на коленях». Для иллюстрации приведем несколько цитат из произведений огнепального протопопа (отметив в скобках: уже порядком «засаленных»):

«Посмотри-тко на рожу ту, на брюхо то, никониян окаянный, — толст ведь ты! Как в дверь небесную вместитися хощешь! Узка бо есть… Н*у*жно бо есть царство небесное, и нужницы восхищают *е*, а не толстобрюхие»[7]; «плюнул бы ему в рожу ту и в брюхо то толстое пнул бы ногою!.. никониянин»[8]; «весь яко немчин брюхат и толст»[9] (т.е. как немец, который уже по определению толстый); «в карету сядет, растопырится, что пузырь в воде»[10]; «подпояшется по титькам, воздевши на себя широкий жюпан!.. что чреватая жонка, не извредить бы в брюхе робенка»[11]; «шеи у них яко у тельцов в день пира упитаны»[12]. Еще рельефнее «упитанные» никониане проступают на фоне противопоставления их с древними святителями, которых отличала «бледость лица… и тонкость благовенства сухости плоти»[13].

Итак, для решения поставленного вопроса обратимся к письменному наследию Древней Руси. Первые русские полемические произведения, которые появились еще в XI столетии, посвящены спорам с западными христианами — католиками или, по-другому, с латинянами[14]. Большинство авторов этих произведений были киевские митрополиты, возглавлявшие Русскую Церковь. Многим из них свойственен спокойный и рассудительный тон, желание согласия, а не раздора. Однако одно из произведений, принадлежащее митрополиту Георгию (1062—1079), эмоциональнее прочих[15]. Оно называется «Стязание с латиною».

В этом сочинении проглядывает чувство негодования автора на латинян, искажающих основы вероучения. В конце «Стязания» автор поместил гастрономический комментарий к обвинению латинян в употреблении их монахами сала («иже при кожи»). Отметим, что православные монахи мясо и сало не ели вовсе.

Комментарий этот оригинален[16]. Вопрос митрополита стоит просто: какая пища скорее подходит для монахов: яйца и молоко (латиняне говорили, что от одних «птицы ражаются», от другого «четвероножный скот» растет, а потому «тех бы не подобало ясти чернцом»). Или же — сало (которое, согласно латинянам, «есть житьный и травный цвет», то есть нарастает от пищи растительной). Так вот, возражая латинянам, митрополит Георгий заявляет: «…яйца кроме кръве мясныя зачинаются и ражаются и суть чиста. И молоко такоже от вымен скот четвероногых истекаяй кроме крове есть, и се есть чисто. Ваша же тучная сала процвитают с либевыми мясы (тонкими прослойками. — *М. П.*) и… вся сия тучная съквозе либевых, и та либевая сквозе тучных проходять… и суть съединена обоя, и наричутся тучная мяса, и не имуть иного… имени… Сих бо тука не повелеша Божественнии закони святых отець мнихом вкушати, яко кръви приче-

талася суть и ражають стрась…». Затем митрополит Георгий предлагает поставить гастрономический эксперимент: «Вложим яйца в один горньць и вложим сала тучная в иный горньць, и си обоя особь варимы яиця и сало, да сереблемь же мы ухо яичную; нъ елма убо вариши яиця в чистей воде, абие та, якоже есть и бывает чиста вода, ака не варена, така же и варена. Вы же пакы да сереблете ваших сал уху, да видимь убо кых (какие. — *М. П.*) завыици толъще будуть. Да разумеете, кое вздержанью есть и измъждить страсть тельсьную, или кое, утучнив тело, вздрастить на душу страсти и сквьрнить храм Божий». Таким образом, поедание «тука» (сала) и, как следствие «толщина вый», в конечном итоге стоит у митрополита Георгия в шаге от нравственного падения и ереси.

Современником эмоционального митрополита Георгия был не менее эмоциональный игумен Киево-Печерского монастыря преподобный Феодосий. Его «Слово о вере крестьянской и о латыньськой»[17], как отмечали многие исследователи, дышит враждой и ненавистью к вероотступникам. Кроме обвинений в неправославности латинян, Феодосий обращается к практическому вопросу об отношении к ним всякого православного христианина. По его мнению, с латинствующими не следует иметь никаких отношений, в том числе и в жизни обыденной. Касаясь только нашего (гастрономического) интереса, скажем, что Феодосий запрещал как есть, так и пить из одного сосуда с еретиками. Но «тем же паки у нас просящим Бога ради ясти и пити дати им, но в их судех, — аще ли не буде у них судна, в своем дати; потом измывши дати молитву (т.е. освятить. — *М. П.*)»[18].

Игумену Феодосию, с его нетерпимым отношением к инаковерующим, в древнейшем периоде русской литературы подобен только лишь митрополит Никифор, живший уже в XII в.. Ему принадлежат три полемических послания, в которых образ еретика, надо признать, написан сочнее и колоритнее, чем у преподобного Феодосия.

Наиболее яркий образ у митрополита Никифора по отношению к еретикам в ключе интересующий нас темы — это образ латинян, подобных «гнилому уду» (то есть члену тела), который нельзя исцелить, «но аки уд изгнил… отвергоша и отрезавшее от себе»[19]. Причем этот образ возникает у Никифора вследствие гастрономических нарушений латинян: «чернецы их… повелевают и мяса ясти». И делают это латинские монахи, как указывает Никифор, точно следуя за своим епископом, который также «мяса ест» и, как следствие из этого, «вся прочая творит без боязни». Здесь опять наблюдается прямая зависимость еды и греха, даже ереси, в которую те самые латиняне и впали. Вывод Никифора из этого обвинения столь же строг, как и у Печер-

ского игумена: «Правоверным не достоит пити, ни ясти с ними.., но аще случится… поставити трапезу им и сосуд их».

* * *

Следующий период рассмотренных русских полемических сочинений датируется концом XIV — началом XV столетия. В основном интересующая нас литература посвящена борьбе с ересью стригольников, а также вопросам юрисдикционно-канонического характера. Среди авторов преобладают русские митрополиты (впрочем, так же, как и в первом периоде).

Один из них — Фотий (первая половина XV в.). В частности, в нескольких «Посланиях» о ереси стригольников[20] он повторяет сравнение еретиков с «съгн*и*лыя уды». Присутствует здесь также и гастрономический контекст, но, быть может, менее явно, чем у Никифора. После произведенных сравнений Фотий, как и его предшественник по кафедре, заключает: «Никако с теми соприобщайте собе в ястьи и питии, и да никако оскверните собе с таковыми». И далее дает совет: «предайте… таковых во изможление плоти»[21], словно намекая, что у того есть что поизмождать. В многочисленных грамотах и посланиях Фотий еще и еще раз повторял своей пастве: «Удаляйте собе от тех в ястьи и питьи»[22].

Но наиболее последователен и конкретен митрополит Фотий в раскрытии интересующих нас гастрономических образов в своем «Окружном послании православному духовенству и мирянам Великого княжества Литовского»[23]. Так, говоря об ушедших в канонический раскол пастырях, он подчеркивает: «Горе вам, вожди слепии, тучни суще… иже оставльшеи слово Божие и… чреву прилепистеся, им же Бог чрево… занеже млеко овец и волн*у* (то есть шерсть. — *М. П.*), и мясо поядше, ни едино же попечение створисте о них, но и себе погубисте»[24]. То есть пастыри-раскольники выступают в роли реальных пожирателей собственной паствы. И далее Фотий делает вывод: «Ниже епископы, паче же чреву рабы, понеже чреву вся таковаа и творящи и глаголющи»[25], — повторяя вновь: «Им же Бог чрево… сии же чреву угодници»[26]. Фотий раскрывает вверенной ему пастве и зависимость трапезы от спасения: «Весте колико от сластей пищножелаемых воздвизаются волны душегубныя на… многоядущих, чрево обрящеши гнуса и смрада исполнена… отригающего на помрачение души… разъжежение… Трапеза преподобных к небсемь и к ангелом возводить, а сия же трапеза многоразличнаа гееньскому огню предаеть чреволюбных насыщению»[27].

* * *

Следующий писатель-полемист, который затрагивает нашу тему, преподобный Иосиф Волоцкий, живший на рубеже XV—XVI веков. В своей книге «Просветитель», составленной против жидовствующих, о еретиках, в частности говорится, что не только «в великый пост и в вся святыя посты», но и «в среду и пяток мясо ядуще», непрестанно «пиюще и объедающеся»[28], и еще «обьядаяся и упиваася, и свиньскым житием живыи»[29], что в свою очередь подготавливает «землю сердечную възорану (т.е. подняту, перепахану. — *М. П.*) и умягчену» для «прескверного сатаны»[30], чтобы потом «изблева скверный яд свой… потонку исповедовать ереси»[31]. В отличие же от еретиков, указывает преподобный Иосиф, правоверные отличаются «телесных потреб скудостью»[32].

В XVI в. в сочинениях многих полемистов можно встретить пассажи, близкие цитированным и имеющими, безусловно, один общий источник — Священное Писание. Пожалуй, наиболее знаменитым из этих полемистов является Иван Грозный, который говорит о еретиках подобно митрополиту Фотию: «Глаголю о вразех креста Христова, имже Бог — чрево»[33].

Еще один писатель XVI в., чьи образы для нас небезынтересны, — Зиновий Отенский. В своем капитальном труде (а это тысяча страниц!) против еретика Феодосия Косого «Истины показания» он особо подчеркивает связь между принимаемой пищей и «безумием и неистовством» Косого, который не только «в посты отай ядяше млеко и мясо», но и «по вся нощи ядяше мясо»[34]. Однако, описывая законченный образ Феодосия, Зиновий не упоминает его «толстоты»: «Холоп, беглец, тать, оманщик, лжив, кос, прелаг*а*тай (лазутчик. — *М.П.*), законопреступник мног, грешник велик, лукав, чюжепосетитель»[35]. Сюда же хочется добавить и обвинение в излишней полноте, но его нет! Зиновий знал Косого, и можно предположить, что тот действительно был худ. Писать же явную неправду (уподобляясь в лживости своему герою) он не мог хотя бы по той причине, что его полемические приемы «тоньше и вернее»[36] его оппонентов. Зиновий «не ругается, не выходит из себя, не теряет самообладания»[37] и уж тем более не противоречит явной истине, как предположительная худость Косого.

Яркие гастрономические описания встречаются у Зиновия и при защите им «любостяжания монастырей», то есть стяжателей-осифлян. Набрасываясь на нестяжателей в лице Максима Грека и Вассиана Патрикеева, Зиновий подробно описывает меню заволжских

старцев: «Пшеничные хлебы чисты мягки, и икры белые и черные, и… белужие и *о*стрее (осетровые. — *М. П.*) белые рыбицы и иные, и паровые рыбы, и ухи белые и черные и красные; и овощи имут смоквы, стапиды (изюм. — *М. П.*), рожцы, сливы, вишни … (и другие блюда, сдобренные разнообразными приправами… — *М. П.*) Пияше же нестяжатель романию, бастр, мушкатель, ренское белое вино»[38]. А чтобы еще более оттенить это, он указывает и на трапезу стяжателей-осифлян, которые питались черствым хлебом из ржаных колосьев без соли и пили простую воду[39]. Все это должно, по замыслу автора, указывать на ошибочность мнения первых и правоту последних. Однако и здесь Зиновий не упоминает о телесной полноте нестяжателей, хотя мог бы. Ведь по самым ранним рисункам преподобного Максима Грека (конец XVI в.) можно сделать вывод об отсутствии у него худобы[40].

* * *

Образ, в нашем случае образ еретика-толстяка, не сводится к отдельному явлению, а выступает как обобщенное понимание писателем определенного круга явлений действительности. Авторы изображали не только качества присущие реальным лицам, но и те особенности, которые должны были бы у них быть как у представителей определенной категории (князь, епископ, святой, еретик и т.п.). Таким образом, обобщенное понимание явлений в древнерусской литературе, согласно Д. С. Лихачеву, носит нормативный, типический характер[41]. Эту мысль в ином разрезе сформулировал Лессинг[42]. Он говорил, что для нас в произведении важно «не что сделал тот или иной человек, но что сделает каждый человек с известным характером при данных условиях»[43]. И в этом смысле образ шире того явления, которое им осмысливается[44].

Из сказанного можно сделать вывод, что те или иные гастрономические отклонения (или пристрастия) героев являются доказательством отклонения их от истины. Так, например, у Зиновия Отенского чревоугодие нестяжателей влечет за собой неправое отрицание «любостяжания монастырей». И вместе с тем, Зиновий не может указать на «телесную толст*о*ту» своих оппонентов (среди которых и его учитель — Максим Грек), так как именно она является символом окончательного отпадения от истины[45]. Вспомните у Аввакума: «Яко немчин брюхат и толст». Почему «*кáк* немчин»? Потому, что он еретик, и еретик наверняка! А уже «сами еретицы, — пишет протопоп, — возлюбиша толст*о*ту плотскую и опровергоша долу горняя»[46]. Согласно

Д. С. Лихачеву, «если автор употребляет сравнение, он не заботится о том, чтобы оно могло быть конкретно, зрительно воспринято. Для него важен внутренний смысл событий, а не его внешнее сходство»[47]. Именно поэтому для Аввакума так важн*а* была толст*о*та никонианина, чтобы подтвердить его окончательное отпадение в ересь. Ведь придраться к самому вероучению (то есть к догматике) было невозможно — и никонианин, и староверов идентичны с этой точки зрения. А раз так, то и еретиком в полном смысле этого слова ни тот, ни другой быть не может, только раскольником. А вот толстобрюхий никонианин уже наверняка еретик, «яко немчин», поскольку его Бог — чрево! Несмотря на всю догматику.

Правда, есть одно исключение, которое лишь подтверждает правило. Из просмотренных полемических текстов одно послание, датируемое концом XIV в. и принадлежащее перу святителя Стефана Пермского[48], совершенно нетрадиционно раскрывает образа еретика с гастрономических позиций — еретика постящегося. Святитель Стефан признает возможность их аскетичного вида, однако с оговоркой: «Фарисеи же таци же беша: постишася двожда на неделю, весь день не ядуща»[49]. И далее: «Таковыи же беша еретицы, постницы, молебницы, книжницы, лицемерницы… пред людми чисти творящеся: аще бо бы нечисто житье их видели люди, то кто бе веровал ереси их?». То есть здесь внешний подвиг нужен был еретику для привлечения последователей. Именно *новоначальная ересь* имеет аскетичное лицо. Стефан Пермский, ссылаясь на Священное Писание, особо указывает, как впадают в ересь, и как еретик находит последователей, будучи лицемерным. «Всяк бо, почитаа книжная писания без смирения и кротости, ища кого укорити чим, и тем впадает в ересь… а также о самопоставляющихся учетелех апостол рече…»[50] (и т. д.). Это доказывается и Зиновием Отенским, который описывая гастрономические пристрастия Феодосия Косого (нового для Руси еретика), отмечает его тайноядение («отай ядяше» или «по вся нощи ядяше»).

Образы, безусловно, важны для раскрытия той действительности, которую создает древнерусский писатель в своем произведении. Именно в образ автор вкладывает свое отношение к жизни, которое хочет передать читателю. Их изучение, в свою очередь, позволит установить авторскую картину мира, отношение автора к его структуре, то есть даст возможность определить тип, категорию литературного творчества как самую крупную область истории литератур, синтезирующую в себе идеологию, поэтику, текстологию, стилистику и т. п.

Примечания

[1] См.: *Лихачев Д. С.* Человек в культуре древней Руси. М., 1970.

[2] Под образом здесь понимается некий знак, то есть средство смысловой коммуникации в рамках данной культуры. См.: *Роднянская И. Б.* Образ // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. С. 670.

[3] *Менделеева Д. С.* Протопоп Аввакум: литературные облики русского раскола // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 12. М., 2005. С. 209.

[4] *Робинсон А. Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963. С. 36—38; *Он же*. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 280—284, 297—298.

[5] *Лихачев Д. С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб., 2001. С. 402—403.

[6] Об этом говорят следующие пассажи уважаемых ученых: «Особенно раздражали Аввакума тучные иерархи никонианской церкви» (*Лихачев Д. С.* Историческая поэтика… С. 402), или образ инока «всегда рисуется Аввакуму как тучный, румяный и нарядный» (там же. С. 403); «Аввакуму как представителю демократического лагеря всегда бросалось в глаза, что у “богатого”, так же как и у архиерея-никонианина, “брюхо-то толстое”» (*Робинсон А. Н.* Жизнеописания Аввакума… С. 37)

[7] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М.; Л., 1934. С. 217 (Беседа пятая).

[8] Там же. С. 229—230 (Беседа десятая).

[9] Там же. С. 135 (Беседа четвертая).

[10] Там же. С. 220 (Беседа седьмая).

[11] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. С. 132 (Беседа третья).

[12] Цит. по: *Менделеева Д. С.* Протопоп Аввакум… С. 210.

[13] Там же. С. 211.

[14] Если быть более точным, наименование «латинян» впервые прозвучало из уст самих западных полемистов еще в IX столетии (см.: *Бармин А. В.* Полемика и схизма. М., 2006. С. 6).

[15] Сборн. Новг. Соф. библ. №522. Л. 102—106. Издано митрополитом Макариев в Истории Русской Церкви. Кн. II. М., 1995. С. 557—560.

[16] См., напр.: *Чельцов М.* Полемика между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI—XII веках. Опыт исторического исследования. СПб., 1879; *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875; *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей Греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.

[17] Послание Печерского игумена не раз были предметом специального изучения: *Еремин И. П.* Из истории древнерусской публицистики XI века (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах) // ТОДРЛ, №2. М.; Л., 1935. С. 21—38. *Его же*. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ, №5. М.; Л., 1947. С. 159—184. *Кириллин В. М.* «Слово о вере христианской и латинской» Феодосия Печерского // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI—XIV вв. М., 1996. С. 51—93; и др.

[18] *Еремин И. П.* Литературное наследие Феодосия Печерского. С. 170 (стлб. 1).

[19] Здесь и далее «Послание Ярославу» цитируется по изданию: Творения митрополита Никифора. М., 2006. С. 153—164.

[20] Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI—XV в. СПб., 1908. Стлб. 475—482.

[21] Там же. Стлб. 480.
[22] См., напр.: Там же. Стлб. 485 и др.
[23] Фотий, митрополит Киевский и всея Руси. Сочинения. Книга глаголемая Фотиос / Подг. текстов А. И. Плигузов и др. М., 2005. С. 115—130.
[24] Фотий, митрополит Киевский и всея Руси. Сочинения. С. 118.
[25] Там же. С. 121, 125.
[26] Там же. С. 125, 127.
[27] Там же. С. 299.
[28] Цит. по: *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси. М.; Л., 1955. С. 470.
[29] Там же. С. 473.
[30] Там же. С. 471.
[31] Там же. С. 502 (Слово о благопремудростных коварствах).
[32] Там же. С. 474.
[33] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я. С. Лурье и др. Л., 1979. С. 24. Так, например, этот пассаж восходит к посланиям апостола Павла (см.: Флп. 3:19: «Их конец — погибель, их бог — чрево, и слава их — в сраме, они мыслят о земном»).
[34] *Зиновий Отенский*. Истинные показания. Казань, 1863. С. 38—39.
[35] Там же. С. 40.
[36] *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 278.
[37] Там же.
[38] *Зиновий Отенский*. Истинные показания. С. 899—901.
[39] Там же. С. 898—899.
[40] См.: *Белоброва О. А*. К вопросу об иконографии Максима Грека // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 301—309.
[41] *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 107—126 (гл. 8).
[42] Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781) знаменитый немецкий писатель-драматург, один из крупнейших представителей литературы европейского Просвещения, теоретик искусства, литературный критик, основоположник немецкой классической литературы.
[43] Цит. по: *Тимофеев Л*. Образ // Литературная энциклопедия в 11 т. [М.], 1929—1939. Т. 8. М., 1934. Стлб. 183.
[44] Там же. Стлб. 182.
[45] Поэтому упрек И. У. Бодовница Зиновию о «его благоразумном» сокрытии меню монастырских старцев безоснователен (см.: *Будовниц И. У*. Русская публицистика… С. 278). Чем бы не питались монастырские старцы, они были православными, ни на йоту не отступающие от вероучительной истины.
[46] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М.; Л., 1934. С. 210 (Беседа четвертая).
[47] *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 72—92 (гл. 4).
[48] Точно установить авторство пока не удалось. О других возможных авторах см.: *Прохоров Г. М.* Стефан // СККДР. Вып. 2. Л., 1989. Ч. 2. С. 415—416.
[49] Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI—XV в. СПб., 1908. Стлб. 226—227. Здесь автор изменяет библейскую цитату, вероятно, для большей наглядности, яркости сравнения, усиления образа мнимого благочестия. В евангельском тексте отсутствует указание на воздержание фарисеев от пищи в течение дня (ср.: Лк. 18:10—14).
[50] Там же. Стлб. 227.